

Никита Харламов

Гетеротопии: странные места в городских
пространствах постгражданского общества

Michiel Dehaene & Lieven De Caeter, Eds.

Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society.
London: Routledge, 2008. – xii + 345 p.

14 марта 1967 года Мишель Фуко прочел для небольшой аудитории французских архитекторов лекцию о специфических местах, которые вносят разрывы в видимую бесшовность, непрерывность и нормальность повседневности¹. Фуко обозначил их словом «гетеротопия». Развивать эту идею Фуко не стал и текст лекции 1967 года до публикации так никогда и не доработал. Он впервые был опубликован с разрешения автора (но без какой-либо редактуры с его стороны) только в 1984 году, незадолго до смерти Фуко. Озаглавленный «О других пространствах» («Des espaces autres»), текст лекции не принадлежит к официальному корпусу работ Мишеля Фуко.

В целом нельзя сказать, что слово «гетеротопия» было для Фуко важным понятием². Скорее, оно оказалось одной из его *интуиций*, развивать которую ему показалось то ли неинтересным, то ли непродуктивным. Чего не скажешь о читателях Фуко. Благодаря лекции 1967 года гетеротопия обрела полумифический статус в среде архитекторов, планировщиков, урбанистов и географов-постструктуралистов.

Слухи о таинственном термине циркулировали до 1984 года, когда тема наконец была развеяна и в науках о пространстве появился новый классический источник. С этого момента началась «карьера» гетеротопии как понятия. Оказалось, однако, что Фуко не только не дал строго-

¹ Русский перевод: Фуко М. Другие пространства. – В кн.: *Его же*. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Пер. с фр. Б.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М.: «Праксис», 2006, с. 191–204.

² Фуко употребляет его только в еще одном месте – в предисловии к «Словам и вещам», где он сравнивает утопии и гетеротопии в литературе. Последние характеризуются как подрывающие основания языка, его синтаксиса и грамматики (Фуко М. Слова и вещи. Пер. с фр. Вступ. ст. к.ф.н. Н.С. Автономовой. М.: «Прогресс», 1977, с. 34–35).

го определения понятия – это ему еще можно было бы простить, – но и не предложил сколь-нибудь систематического способа его употребления. Текст «О других пространствах» захватывает читателя, погружая его в мир зеркал, кладбищ, свадебных путешествий, персидских садов и финских бань. Но он также оставляет его в недоумении.

Определение гетеротопий как мест, в которых все остальные места культуры представляются, отражаются, оспариваются, притом что сами гетеротопии одновременно находятся вне всех мест и являются локализуемыми, – такое определение по меньшей мере эзотерично. Не менее эзотеричны и диалектичны предложенные следом «принципы гетеротопологии» (описания гетеротопий), например пятый принцип, гласящий, что гетеротопии всегда предполагают такую систему открытости и замкнутости, которая их одновременно изолирует и делает поддающимися проникновению. Непонятно даже, принципы ли это, части определения, аксиомы или постулаты.

Вдохновленные странным словом, ученые оказались в состоянии неудобной свободы: гетеротопия еще не была понятием, но к ней уже прилагался весьма эзотерический «багаж», и поэтому превратить гетеротопию в *настоящее рабочее понятие* решались немногие³. Гетеротопология так и не стала континентом, а оказалась лишь архипелагом довольно разнородных островков – хотя интерес к этому экзотическому региону мысли не ослабевает.

Именно на этом фоне в 2005 году в Голландии прошел colloquium, материалы которого вошли в рецензируемую книгу. Фундаментом послужили развернувшиеся в последние два десятилетия на волне неомарксистской критической урбанистики дискуссии о судьбах публичного пространства в эпоху неолиберального капитализма. Организаторы colloquium сделали рамкой дискуссии идею «постгражданского общества» в трактовке Фредрика Джеймисона⁴. Одной из черт постгражданского общества является *размывание различия «публичное – приватное» и потеря им аналитической силы*. По всему миру появляются *странные места*, в которых традиционные публичные пространства колонизируют

³ В среде англоязычных географов-постмодернистов это сделали Эдвард Соха (Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell Publishing, 1996) и Кевин Хетерингтон (Hetherington K. The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering. London: Routledge, 1997). В России с данным понятием работает А.Ф. Филиппов (Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов. – Отечественные записки, 2002, № 6–7, с. 48–62).

⁴ Jameson F. & Speaks M. Envelopes and Enclaves: The Space of Post-Civil Society (An Architectural Conversation). – In: Assemblage, 1992, № 17, pp. 30–37.

ся рыночным капитализмом, а политическая борьба с привычных марксистам фабрик перемещается на задворки торговых центров и международных аэропортов. Среди обозначений этих странных мест «тематические парки», «не-места», «дьявольские райские места»⁵. Организаторы colloquium в Голландии предложили использовать для них понятие гетеротопии. Результат, представленный в книге «Гетеротопия и город: публичное пространство в постгражданском обществе», оказался весьма интересен и неоднороден.

Книгу открывает новый английский перевод лекции Фуко. Он выполнен редакторами книги Мишелем Дехааном и Ливеном Де Каутером. От трех предыдущих этот перевод выгодно отличается наличием детального комментария, в котором обсуждаются различные варианты передачи ключевых терминов текста. Помимо чисто переводческих моментов в комментариях приводятся сравнения с радиолекциями, которые Фуко читал в 1966 году и в которых впервые упоминал гетеротопии (их записи были опубликованы лишь в 2004 году в Германии и остаются малодоступными), а также некоторые связи с различными интеллектуальными течениями прошлого и современности.

Кроме того, что, на мой взгляд, является в высшей степени важным, переводчики в деталях рассматривают *структуру* текста лекции о гетеротопиях, привлекая внимание к тому, как Фуко в самом начале лекции приводит *краткую историю пространства*. Они утверждают, что рассуждения Фуко о локализациях, протяженностях и местоположениях есть не что иное, как последовательность традиционного, современного и постсовременного пространств (или доиндустриального города, индустриального метрополиса и постиндустриального мегалополиса). По их мнению, лекция обрывается «на самом интересном месте»: после краткой истории пространства и перечисления внеисторических принципов гетеротопологии, вместо того чтобы обсудить *постсовременное пространство*, Фуко приводит красочную метафору корабля как гетеротопии по преимуществу (р. 28, сн. 32). Именно эта незавершенность, по утверждению Дехаана и Де Каутера, создает нишу для основного массива представленных в книге материалов.

Первым вкладом в заполнение этой ниши является вводная глава книги, в которой редакторы очерчивают видение гетеротопии как поня-

⁵ Sorkin M., Ed. Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space. New York: Hill & Wang, 1992; Gottdiener M. The Theming of America. Boulder, CO: Westview Press, 2001; Augé M. Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. Trans. J. Howe. London: Verso, 1995; Davis M. & Monk D.B., Eds. Evil Paradises: Dreamworlds of Neoliberalism. New York: The New Press, 2007.

тия, позволяющего прояснить современное гибридное состояние континуума «публичное – приватное». Они подразделяют этот континуум на ряд осей: «обычное – необычное» (характер повседневной жизни в современном городе); «ойкос – агора» (эта ось позволяет определить процесс приватизации публичного пространства); «место – не-место» (ось, фиксирующая изобретение сетевого сообщества); «гетеротопия – лагерь» (эта ось направлена на прояснение границ распространения феноменов постгражданского общества, которые Джорджо Агамбен в свете концепции исключительного положения называет «лагерем» (pp. 4–5)). Дехаан и Де Каутер подчеркивают, что хотя сегодня гетеротопия распространяется повсюду – «музеи, тематические парки, моллы, курорты, отели, праздничные рынки – весь город становится “гетеротопичным”» (p. 5), – не следует попадать в ловушку красивого слова: «...если надеть гетеротопичные очки, то все вокруг приобретает черты гетеротопии» (p. 6). Поэтому они руководствуются аксиомой «не все сущее – гетеротопия» и формулируют задачу книги как «выяснение того, можно ли вообще сделать понятие гетеротопии непротиворечивым или же от него, напротив, следует отказаться как от понятия, расплывчатость которого лишь добавляет путаницы» (ibid.).

Помимо введения в книге семь частей, содержащих в сумме двадцать одну главу. В первой части книги⁶, озаглавленной «Гетеротопология: “наука в становлении”», в дополнение к новому переводу исходного текста Фуко представлены две исторические статьи. В тексте Джеймса Фобиона понятие гетеротопии сравнивается с «коммунитас» Виктора Тёрнера и с «демоническим» Харольда Блума. Из того факта, что три автора работали независимо друг от друга, Фобион делает вывод, что гетеротопия была частью «интеллектуальной экологии» рубежа 1960–1970-х годов. Хейди Зоон противопоставляет гетеротопию Фуко медицинскому понятию гетеротопии и указывает на их противоположность: если в медицинской патологии гетеротопия – это безвредное замещение нормальной ткани тканью, которая сама по себе является нормальной, но должна находиться в другом месте организма, то у Фуко гетеротопия принципиально не является нормальной, равно как и безвредной.

Вторая часть («Пересматривая гетеротопию») содержит общетеоретические размышления об актуальности понятия в контексте современной критической урбанистической мысли. Кристин Бойер привлекает внимание к восприятию гетеротопии в среде архитекторов второй половины XX века и утверждает, что они по большей части игнорировали потенциал гетеротопии как странного зеркала, улавливающего парадок-

⁶ Я не привожу названий глав, поскольку они легко доступны в Интернете.

сы видимого и выразимого. Исключением, по ее мнению, является Рем Колхас. Марко Чензатти пишет о «третьем типе» гетеротопий (в дополнение к кризисным и девиационным гетеротопиям у Фуко) – *гетеротопиях различия*. Он ставит это понятие в контекст постфордистского урбанизма регуляционной школы, идеи пространства репрезентации Лефевра и постхабермасовской критики универсальной публичной сферы. Мишель Дехаан и Ливен Де Каутер разворачивают тезис о гетеротопии как о пространстве *игры*, которое в современном мире дополняет пространства публичного и приватного. Они опираются на изложенные Аристотелем идеи греческого градостроителя Гипподама, утверждавшего, что в городе должны сосуществовать сферы частного, общего и священного, и противопоставляют современные пространства культуры и свободной игры лагерям Агамбена.

Первые две части книги носят историко-теоретический характер. В остальных пяти частях собраны тексты, в которых понятие гетеротопии находит приложение в ряде ключевых тематических областей современных критических дискуссий об урбанизме и гражданском обществе. Третья часть книги («Молл как агора – агора как молл») посвящена торговым центрам в качестве гетеротопий. Кэтрин Керн рассматривает «центры стиля жизни» в США и моллы, имитирующие городские улицы, как гетеротопии, совмещающие торговые центры и тематические парки. Клеман Орияр исследует проникновение американской философии торговых центров в городское планирование в послевоенной Франции и пишет о «защищенном публичном пространстве». Дуглас Муццио и Джессика Муццио-Рентас рассуждают о моллах в кино, выделяя три центральные темы: молл как центр «зомбированных покупателей», как место времяпрепровождения для бездельничающей молодежи и как тематический парк.

В четвертой части («Жилище в постгражданском обществе») разбираются новые формы, которые принимает жилой дом. Это «огороженные сообщества» (gated communities), рассматриваемые Сетой Лоу, «праздничные» поселения, исследуемые Хью Бартлингом, и описанные Ксавье Гийо тематические кондоминиумы в Сингапуре.

Пятая часть («*Terrains vagues*: трансгрессия и городской активизм») переносит идею гетеротопии в сферу социальных движений и протестных/партизанских идентичностей. Яэль Альвайль и Рейчел Каллус рассматривают тель-авивский пляж и парк как «очаги сопротивления», в которых возможно существование несовместимых с жестким культурным порядком субъективностей, в том числе определяемых через «нетрадиционную» сексуальную ориентацию. Гиль Дорон сопоставляет разработанное им понятие мертвых зон с понятием гетеротопии и указывает на проявления жизни в местах, таких как руины и свалки, которые официальные

институты признают «мертвыми» или несуществующими вовсе. Питер Ланг представляет деятельность протестной арт-группы «Сталкер».

В шестой части («Гетеротопия в распадающемся метрополисе») понятие гетеротопии применяется для осмысления состояния городского пространства и структуры города в обществе, состоящем из сетей. Особое внимание авторы глав в этой части уделяют проектам городского обновления, джентрификации и возрождения. Морин Хейнс исследует иммигрантский район Спайталфилдс в западной части Лондона, который в настоящее время подвергается переустройству сверху (вследствие действий муниципальных властей и планировщиков) и снизу (вследствие изменения состава населения). Ли Стикелс обращается к устройству гетеротопий потоков – точкам в сетях перемещений, а именно аэропорту в Йокогаме и центральному вокзалу в Арнеме (Нидерланды). Грэм Шейн исследует место гетеротопии в предложенной им последовательности основных концептуальных схем, которые сменяли друг друга в истории градостроения. По его мнению, «анклав», характерный для архаических обществ, уступил место «арматуре», являвшейся структурной основой индустриальных городов. Постиндустриальный город можно описать при помощи понятия гетеротопии. Шейн обращает особое внимание на гетеротопии иллюзий (как знаменитый музей Гутгенхайма в Бильбао) и утверждает, что сегодня именно они являются осевыми точками и двигателями роста городов.

В седьмой части («Гетеротопия после полиса») исследуются новые места иллюзий и гибридизации политического: площади в Индонезии после Сухарто (Роберт Каухерд), искусственные острова в Дубае (Алессандро Петти), кладбища в Киншасе (Филип Де Бук). Станные с точки зрения традиционных концептуальных схем явления – ограничение доступа в общественные места Джакарты, «вынесение за скобки» законов ислама на искусственных островах у берегов Дубая, неформальная экономика и политика смерти в похоронных ритуалах, практикуемых в столице Конго, – эти явления переосмысляются авторами в контексте переопределения политики вообще.

Завершает книгу послесловие Хильде Хайнен, которая пытается вновь обобщить все материалы и выделяет три просматривающиеся в сборнике оси интерпретации понятия «гетеротопия»: роль пространства, значение политики и политического и проблему человеческого действия.

Большинство авторов книги – архитекторы, искусствоведы, специалисты по городскому планированию; среди них есть как начинающие исследователи, так и широко известные специалисты с мировыми именами (такие, как Сета Лоу и Кристин Бойер). Историки, социологи и психологи в числе авторов практически не представлены. Такой дисциплинарный подбор, по-видимому, отчасти обуславливает характерное для книги внимание к *устройству пространства*, архитектуре и планированию, попу-

ляциям и социальным движениям. Фигура же отдельного человека, *обитателя гетеротопии*, и проблема *отношения* человека и города вообще и человека и гетеротопии в частности в книге практически не поднимается. А ведь эта тема представляет огромный интерес, недаром ее значение подчеркивали, например, Георг Зиммель, писавший о духовной жизни больших городов, продолживший его мысль Луис Вирт и Стэнли Милграм, называвший городскую атмосферу одной из ключевых проблем психологии города⁷. Не случайно на этих авторов в книге нет ни одной ссылки.

Исторический контекст (выходящий за пределы последнего столетия) задействуется сравнительно редко – например, в текстах Шейна, Хейнс, Де Бука; большинство же авторов последовательно ограничивают свой интерес *обществом постмодерна*. Такое ограничение, с одной стороны, выглядит логически вытекающим из указанного редакторами в примечаниях к тексту Фуко «вектора» книги (гетеротопии как специфические места постиндустриального общества) и содержательно адекватным предмету исследования (тот же молл зародился в США в середине прошлого века как принципиально новая форма организации коммерческого пространства). Но, с другой стороны, исследование собственно *исторической преемственности и генезиса* различных типов гетеротопий, которое в книге ограничивается преимущественно краткими упоминаниями отдельных исторических моментов, могло бы сильно обогатить книгу – тем более что оно было бы вполне соответствующим духу многих исследований самого Мишеля Фуко.

В числе несомненных достоинств книги – ее географический охват. Хотя десять из двадцати пяти авторов работают в Соединенных Штатах, а большинство остальных – в Западной Европе (в основном в Бельгии, Голландии и Франции), их тексты не ограничиваются основным объектом изучения и критики западных урбанистов – несколькими городами США, но касаются урбанизма Дубая, Киншасы, Джакарты. В этом отношении данная книга входит в число попыток⁸ расширить дискурс кри-

⁷ См.: *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. – Логос, 2002, № 34, с. 23–34; *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life. – In: *American Journal of Sociology*, 1938, № 44, pp. 1–24; *Milgram S.* The Experience of Living in Cities. – In: *Science*, 1970, № 167, pp. 1461–1468. В каком-то смысле это неудивительно, учитывая, что собственно психология города, в отличие от социологии города, после 1970-х годов практически исчезла, а на ее месте мы находим сегодня либо психологию пространства и пространственной ориентации (для которой город чаще всего является просто внешней переменной, одним из возможных типов пространства), либо психологию среды.

⁸ Имеется в виду упомянутая ранее книга о дьявольских раях под редакцией Майка Дэвиса и Дэниела Монка.

тики современных городов и перенести акцент с однонаправленно представляемого процесса глобализации на *разнородные и разномасштабные процессы общемирового характера*. Как бы ни был велик соблазн объявить Лос-Анджелес универсальной моделью городов XXI столетия⁹, выясняется, что по модели западного побережья США не развиваются даже города на среднем Западе или восточном побережье самих Соединенных Штатов – не говоря уже о Шанхае, Дакке или Москве.

С теоретической точки зрения книгу можно признать интересным, но неоднозначным экспериментом в области конструирования теоретических понятий. Историко-теоретические тексты, представленные в первых двух частях книги (а также в ее заключительной главе), составляют вместе своего рода набор частей и инструментов, из которых можно сделать некое теоретико-методологическое устройство. А остальные пять частей суть результаты таких попыток. Но эти попытки не венчают работу узкого круга профессионалов в рамках единого проекта. Они являются откликом широкой аудитории ученых на предложение применить понятие гетеротопии к их собственным исследованиям. Вследствие этого *успешность* применения понятия очень сильно разнится от главы к главе. В некоторых случаях авторам удавалось логически включить гетеротопию в свои построения; в частности, это касается текстов Сеты Лоу об огороженных сообществах и Петти об оффшорном урбанизме в Дубае. В других случаях авторы уже имели на вооружении свои собственные понятия (как, скажем, Гиль Дорон) – тогда они шли по пути сопоставления, но, по всей видимости, оставались верными собственным концептуальным схемам (или же, как у Грэма Шейна, у них уже были схемы, в которых гетеротопии отводилось определенное место). А в иных случаях, как, например, в главе Ланга о деятельности группы «Сталкер» и Каухерда о пространственной поляризации в Джакарте, понятие гетеротопии, на мой взгляд, оказалось излишним – и без него вполне можно было обойтись.

В целом же, на мой взгляд, книга представляет собой важный вклад в современные критические дискуссии о городах и урбанизме. И вклад этот прежде всего заключается в том, что в высшей степени актуальная сегодня проблематизация основных концептуальных схем урбанистики, таких как дуализм публичного и приватного, сопровождается попыткой предложить *новые рабочие понятия*. «Гетеротопия» является одним из таких понятий, и теперь с полной уверенностью можно сказать, что из

⁹ Как это сделали представители т.н. лос-анджелесской школы урбанизма. См.: *Dear M.J.*, Ed. From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002.

увлечения отдельных ученых вроде Эдварда Сохи и Кевина Хетерингтона она перешла в разряд *инструментов*, доступных для применения в исследовательской практике. Необходимые условия для этого имеются, появятся ли достаточные – вопрос дальнейших исследований. В то же время эта книга вновь подтверждает актуальность «бритвы Оккама»: *обо всем можно говорить как о гетеротопии – но далеко не обо всем нужно так говорить*.

Елена Яичникова

Между подражанием и воображением:
«отстраняющая» сила искусства

Philippe Lacoue-Labarthe. Ecrits sur l'art.

Genève: Les Presses du réel – Mamco, 2009. – 264 p.

Книга французского философа Филиппа Лаку-Лабарта (1940–2007) «Сочинения об искусстве» вышла в свет на языке оригинала в серии женеевского Музея современного и актуального искусства (Mamco) в издательстве «Les Presses du réel», и Музей сыграл в подготовке этой публикации решающую роль. Как следует уже из названия книги, она представляет собой сборник текстов об искусстве (в общей сложности их двадцать четыре), написанных Лаку-Лабартом по разным поводам в период с 1978 по 2005 год для различных изданий – каталогов групповых и персональных выставок, журналов по искусству. Это также самостоятельные публикации и лекции. Все они были собраны в единый сборник стараниями бывших студентов Лаку-Лабарта, со временем ставших его близкими друзьями – Федерико Николао, Леонида Харламова и Аристида Бианчи, – и опубликованы благодаря инициативе еще одного ученика и друга философа – директора Музея современного и актуального искусства Женевы Кристиана Бернара. В книгу вошли тексты, посвященные исключительно визуальному искусству, в то время как тексты о музыке и театре, которые изначально планировалось включить в этот